

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ГЕНОТИПА: КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКИЙ ДИСКУРС

М. Н. Сальникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка историко-философского анализа специфики и генезиса культуроцентристских концепций социального генотипа. Воспроизводство устойчивых черт культуры осуществляется путем анализа двухэтапного процесса социализации человека.

Ключевые слова: социальный генотип, репликация, культура, социализация, интернализация, экстернализация, институт.

Abstract: the article attempts to analyze the specific features and genesis of culture-centric concepts of the social genotype from the historic and philosophic standpoint. The replication of permanent culture traits is described through the analysis of the two-stage socialization process.

Key words: social genotype, replication, culture, socialization, internalization, externalization, institution.

В современной науке под генотипом понимают наследственную программу, необходимую для построения живого организма. Данная программа передается из поколения в поколение, отвечая за сохранение и передачу необходимой генетической информации, обеспечивающей развитие присущих организму признаков. Наследуемое оснащение организма передается при помощи дискретных единиц – генов. Главная особенность генов состоит в том, что они являются репликаторами – объектами, способными к самокопированию [1]. По словам чилийских ученых У. Матураны и Ф. Варелы, о репликации стоит вести речь всякий раз, «когда имеем действующий механизм, с помощью которого могут многократно появляться единства одного и того же класса» [2, с. 52]. С угла перспективы современной биологической теории сама жизнь предстает как «матричное копирование с последующей самосборкой копий» [3, с. 378].

Рассмотрение общества сквозь призму понятия «генотип» предполагает обнаружение системы репликаторов или самокопирующихся «чертежей», необходимых для построения социального организма. Учения о социальном генотипе отсылают к поиску самовоспроизводящихся, передаваемых из прошлого структур, конституирующих нынешние состояния общества. Реплицируясь, искомые структуры превратят нынешние состояния общества в последующие. По мысли В. Л. Тамбовцева, социальный генотип, «фиксируя часть прошлых изменений (накопленного опыта), очерчивает и некоторые границы для изменений будущих» [4, с. 122].

Осмысление темы социального генотипа происходило в XX в. под разными углами зрения, однако можно выделить два ключевых типа концепций. В рамках концепций первого типа в качестве претендента на роль социального генотипа выступает тип беспрестанно воспроизводящейся триединой (экономика, политика, культура) институциональной структуры. Развитие общества сводится к беспрестанному репродуцированию сформировавшихся еще на заре появления общества экономических и – оформившихся под их определяющим влиянием – политических и идеологических (культурных) институтов. Поскольку в ходе анализа авторы концепций первого типа приходят к выводу о том, что политические и идеологические структуры общества являются следствием базовых экономических структур, данные концепции могут быть названы экономикоцентристскими (Е. Н. Стариков, С. Г. Кирдина и др.). С другой стороны, следует вести речь о культуроцентристских концепциях социального генотипа, в рамках которых в качестве функционального аналога генотипа учеными выделяется культура. Под культурой понимается совокупный опыт человечества, объективированный в знаковой форме (Э. Ильенков, М. К. Петров, представители школы «Анналов», А. Я. Гуревич, Р. Докинз, Н. Луман, Д. Норт, В. С. Степин и др.).

В статье предпринимается попытка историко-философского анализа специфики и генезиса культуроцентристских концепций социального генотипа.

Рассмотрение работ, в которых обнаруживаются истоки культуроцентристского направления исследования социального генотипа, следует начать с анализа работ Э. Ильенкова. На страницах своих книг отечественный философ в первую очередь пытается объяснить целостность общества, природу воспроизводства его устойчивых черт. «"Единичное" изменяется, рождается и исчезает, а то целое, внутри которого происходят индивидуальные эволюции, остается неизменным, строго организованным», – пишет он [5, с. 89]. Согласно Ильенкову, в процессе истории происходит непрерывное превращение сил и способностей людей в объективную (независимую от сознания и воли отдельного человека) систему всеобщих норм поведения, мышления и деятельности. Эту развитую в процессе человеческой истории систему всеобщих норм поведения, мышления и деятельности, сохраненную в памяти человечества «посредством слова, посредством словесно зафиксированного "определения"» [там же, с. 119], философ называет культурой. Попадая в мир, отдельный человек оказывается окруженным множеством ограничений, диктуемых нормами культуры – нормами бытовой культуры, нормами права, морали, нормами мышления, грамматически-синтаксическими нормами языка. В каждой культурной норме концентрируется воплощенная сила мышления и деятельности предшествующих поколений людей. Процесс субъективного, индивидуального становления человека оказывается неизбежно связанным со стихийным встраиванием конкретного опыта человека в уже существующие в культуре формы мышления и деятель-

ности. Система практических норм определяет деятельную жизнь человека, система духовно-теоретических норм – умственную.

Ильенков замечает, что уже на ранних этапах развития общества человек начинает переживать объективную силу культуры (противопоставленность культурного «целого» сознанию и воле отдельного человека). Однако человек не сразу сумел вместить идею о том, что культура как противопоставленная ему «идеальная» или «духовная» целостность представляет собой совокупность внешних воплощений силы, мышления и деятельности самого человека. На ранних стадиях развития общества творец культуры был сакрализован. Движущая сила культуры была перенесена из человеческого мира во внешний, неземной мир. Мерой прогресса человечества философ предлагает считать, во-первых, меру десакрализации культуры, т.е. культура должна быть понята не как взятый с неба дар небес, но как продукт сугубо человеческой деятельности; во-вторых, меру превращения норм культуры, созданных трудом всех предшествующих поколений, в личное достояние каждого отдельного человека. Стихийная включенность человека в культуру преодолевается путем действительного активного присвоения культуры. «...Присвоение каждым индивидом тех знаний, которые "опредмечены" (и в социальном плане – обособлены, "отчуждены" от него) в виде науки и в виде особого аппарата управления» [там же, с. 151] обозначается философом как главная забота человека. Присвоение осуществляется посредством осмысления сущности, генезиса и динамики развития существующих норм деятельности, категорий мышления.

Поскольку нормы культуры постоянно воспроизводятся, мы можем трактовать их как репликаторы. Однако, поступая так, мы не должны упускать из виду, что нормы культуры сами по себе не могут выступать в качестве самовоспроизводящихся субъектов. Так, рассматривая функционально схожее с понятием «нормы культуры» понятие «рутины», современный исследователь В. Л. Тамбовцев замечает: «Не рутины как некие субъекты действий воспроизводят себя, а люди заимствуют и используют формы поведения и способы мысли, хорошо показавшие себя. Иными словами, понятие "репликации рутин" противоречит принципу методологического индивидуализма, согласно которому единственным субъектом действий, обладателем целей и интересов является человек, индивид» [4, с. 127]. Ключом к пониманию механизма репликации культурных норм (с учетом принципа методологического индивидуализма) может стать понимание социализации, одним из важнейших аспектов которой является подражание человека человеку. Так, Д. Ходжсон и Т. Кнудсен отмечают: «Привычки реплицируются, когда мы повторяем поведение других» [там же]. Рассмотрим процесс социализации подробнее.

Известно, что социализация представляет собой «двухэтапный процесс формирования действий людей посредством культуры» [6, с. 413]. На первом этапе социализации общество передает человеку арсенал содержащихся в культуре норм, ценностей, готовых сценариев жизни. Нормы окружающей человека культуры превращаются в элементы че-

ловеческой личности. Начальная фаза процесса социализации получила название *интернализации*. Первыми в жизни человека инструментами социализации являются родители. Подражая родителям, ребенок получает первую «прививку» культуры. Взрослый человек оказывается в кругу богатых и многочисленных инструментов социализации. Однако действия взрослых зачастую продолжают носить подражательный характер. Это не столь очевидно, потому что взрослые «широко общаются с самыми разными людьми, по большей части не знакомыми друг с другом, и находятся под влиянием множества самых разнообразных книг. Соответственно, они производят обманчивое впечатление независимости просто потому, что мы не знаем тех образцов, которые они взяли себе за основу» [7, с. 55]. При этом большинство людей усваивает нормы окружающей их культуры механически, даже не пытаясь понять, откуда они взялись. Лишь философ ставит себе задачей увидеть *данное* как *проблематичное*, показать, что любое, даже самое элементарное культурное правило имеет свой генезис [8], может быть подвергнуто сомнению и переоценке. Второй этап процесса социализации получил название *экстернализации*. Если интернализация состоит в присвоении содержания культуры, в создании копии существующей культуры в душе человека, то экстернализация представляет собой реализацию, проявление присвоенных человеком культурных сущностей в действиях. Будучи реализованными в действии, культурные сущности вновь входят в культуру.

М. К. Петров, так же как и Э. Ильенков, рассматривает живущее поколение людей как наследников объективированного в культуре опыта предшествующих поколений. Однако для объяснения передачи опыта предшествующих поколений последующим Петров вводит новое понятие – *социокод*. Философ отмечает, что если в природном мире уподобление «поколений по типу и способам извлечения из окружения средств к жизни» [9, с. 28] происходит посредством биологического кода наследственности, то социальная преемственность из биологической природы не выводится: ни формы внутренней жизни человека, ни формы человеческого общежития не определяются природным кодом наследственности. Факт невозможности обеспечения социальной преемственности средствами биологического кодирования заставляет философа искать некие специфически человеческие механизмы «уподобления последующего поколения предшествующему» [там же, с. 29]. М. К. Петров разрабатывает идею *социальной наследственности* человечества. Под социальной наследственностью он понимает преемственное воспроизведение «в смене короткоживущих поколений определенных характеристик, навыков, умений, ориентиров, установок, ролей, ролевых наборов, институтов, т.е. всего того, что составляет социальность как таковую» [там же, с. 28]. В качестве «сущности» социальной наследственности – «социального гена» – философ выделяет знак «в его способности фиксировать и неопределенно долго хранить значение» [там же, с. 29]. Именно посред-

ством знаковой фиксации человечеству удается сохранять и транслировать собственную историю. М. К. Петров подчеркивает, что «минующая знак передача социальности как наличной суммы обстоятельств столь же невозможна, как и минующая ген передача биологических видовых признаков» [там же]. Весь массив знаний, в котором хранятся исторически значимые программы деятельности, нормы, модели поведения и взаимоотношения между индивидами, – весь массив знаний вместе с институтами и механизмами хранения и передачи этого знания новым поколениям – философ обозначает термином «социокод». Ученый отстаивает идею, согласно которой существует функциональное сходство между генетическим кодом, свойственным телу живого организма, и кодом культуры (социокодом). Подобно тому как в живом организме гены выступают программами-инструкциями для конструирования белковых тел, объективированный в знаке социокод программирует направленность мышления и деятельности людей. Программирующая человека информация, согласно М. К. Петрову, передается от поколения к поколению средствами общения.

Представители французской школы «Анналов»¹ посвятили свою деятельность разработке вопроса о мыслительном инструментарии общества. Согласно воззрению Л. Февра, «*ouillage mental*», «психическая оснастка», «умственная вооруженность» или «мыслительный инструментарий» эпохи образует своего рода «матрицу», в рамках которой формируется индивидуальное мировидение. Разъясняя данную мысль, А. Я. Гуревич пишет: «Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в "коллективном сознании" общественных групп и толп и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи. В творчестве писателей, мыслителей, художников, при всех их неповторимых, уникальных особенностях, проявляются те же черты ментальности, ибо всем людям, принадлежащим к данному обществу, культура предлагает общий умственный инструментарий, и уже от способностей и возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладел» [10, с. 63]. Итак, психическая оснастка есть своеобразная интеллектуальная матрица, созданная предшествующими поколениями людей в процессе истории. Психическая оснастка определяет направление мысли и действия каждого появляющегося в культуре человека.

Одной из самых значительных на сегодняшний день концепций социального генотипа является концепция, созданная американским представителем экономического неинституционализма – Д. Нортм. Согласно Норту, «культура общества – это кумулятивная совокупность всех существующих представлений и институтов» [11, с. 124]. Под ин-

¹ Идеи представителей школы «Анналов» излагаются вслед за идеями Э. Ильенкова и М. К. Петрова не из хронологического, но, скорее, из систематического принципа.

ститутами ученый понимает созданные прежними поколениями людей, «воплощенные в языке, человеческой памяти и системах хранения символов» формальные и неформальные ограничения, сдержки, запреты, предписания, нормы, правила, убеждения и конвенции, которые задают структуру стимулов, управляющую человеческим поведением в определенном обществе. Созданные в прошлом институты определяют настоящее функционирование общества и передаются в будущее. Культура (институциональная матрица) ограничивает изначально безграничные возможности жизни, управляя отношениями между людьми, задавая возможные способы структурирования личности. Д. Норт подчеркивает, что онтологически культурная среда представляет собой единое и нерасчленимое целое, лишь для удобства познания она «разделяется специалистами по социальной науке на различные сегменты, изучаемые такими науками, как экономика, политология, социология» [там же, с. 25].

В теории Норта общество перестает рассматриваться в статической перспективе. Посредством социализации определяющий человеческие отношения набор институтов переходит от поколения к поколению, оставаясь неизменным в пределах определенного периода времени. Затем за определенный отрезок времени лежащая в основе бытия общества институциональная матрица трансформируется, в результате чего за формирование человеческих отношений начинает отвечать новый набор институтов. Ученый выделяет два принципиально различных типа обществ, в основе жизни которых лежат принципиально различные наборы институтов. Речь идет о естественных государствах и порядках открытого доступа. В рамках естественного государства человек оценивается и воспринимается не тем, кто он есть сам по себе, но исключительно в связи с его членством в коллективах и группах. «Личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, – то, кто кем является и кто кого знает, – составляют основу социальной организации и служат ареной для взаимодействия людей» [12, с. 40]. В естественных государствах законы имеют партикулярный характер, т.е. не являются равными для всех. Правитель здесь, как правило, вообще оказывается над законом. Экономическая сфера жизни общества и сфера политики в естественных государствах тесно связаны между собой. К естественным государствам Д. Норт относит большинство досовременных обществ: Древний Рим, Месопотамию, Египет, Грецию, Китай, феодальную Европу, цивилизации реки Инд, ацтеков и инков. С наступлением современности (XIX в.) происходит радикальный исторический переход от обществ естественного порядка к обществам открытого доступа. Главной чертой обществ открытого доступа является то, что в их рамках законы становятся одинаковыми для всех членов общества, на страже соблюдения законов оказывается безличный, независимый судебный аппарат. Экономика начинает характеризоваться безличным обменом.

Итак, Д. Норт формулирует два принципиально важных тезиса, а также намечает дальнейшие пути развития теорий институциональных матриц. Первый тезис состоит в признании влияния объективированного опыта предшествующих поколений людей на социальные решения нынешних и будущих людей, второй – в признании возможности радикальной трансформации общественных институтов во времени. Формулируя важные выводы о том, что «институты определяют взаимодействие между людьми, создавая структуру стимулов, управляющую человеческим поведением» [11, с. 104], Норт также обращает внимание на то, что создание полноценной концепции институциональных матриц требует решения вопроса о природе сознания человека. «...Структура стимулов, – пишет он, – требует теории о том, каким образом разум воспринимает мир и его функционирование, благодаря чему институтам и удастся создавать эти стимулы» [там же].

Синтезируя рассмотренные выше концепции, В. С. Степин создает собственную теорию социального генотипа. Философ стремится выявить глубинные основания, программы, лежащие в основе сложного калейдоскопа отдельных общественных событий; реализация, осуществление данных программ превращает общество в устойчивую систему. В качестве глубинных оснований общества, оказывающих на его развитие программирующее воздействие, философ выделяет мировоззренческие универсалии (категории) культуры. Категории культуры выражают «свойственные данной культуре наиболее общие представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности: о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов и т.д.» [13, с. 24]. Аккумулируя исторический опыт предшествующих поколений людей, категории культуры образуют социальные рамки, в системе которых новые поколения осмысливают и переживают мир. Категории культуры служат своеобразной матрицей, определяющей характер воспроизводства «как субъект-объектных, так и субъект-субъектных отношений человеческой деятельности» [там же, с. 16] в пределах конкретного этапа развития общества. Категориальная матрица общества структурирует многообразный опыт людей, включенных в рамки данной культуры. Обеспечивая людей готовыми опорными средствами мышления и переживания мира, смысловая матрица способствует воспроизводству и развитию определенного образа социальной жизни, определенных типов личности [14]. Для В. С. Степина категориальная матрица культуры выступают «в качестве своего рода генома социального организма» [там же]. Философ отмечает: «Подобно тому как управляемый генетическим кодом обмен веществ воспроизводит клетки и органы сложных организмов, различные виды деятельности поведения и общения людей, регулируемые кодами культуры, обеспечивают воспроизводство и развитие элементов, подсистем общества и их связей,

характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации» [15, с. 342].

Итак, специфика культуроцентристских концепций социального генотипа состоит в рассмотрении культуры в качестве особого аспекта социальной жизни, который заключается в накоплении, хранении и передаче от поколения к поколению надбиологических программ, исторически апробированных схем активности людей. Создатели культуроцентристских концепций подчеркивают, что культура функционально аналогична генотипу в живом организме, организуя вокруг себя социальные системы, культура отвечает за структурное единство и воспроизводство общественной жизни. Разрабатывая «гипотезу о динамике становления структурных элементов культуры как социального генотипа людей» [16, с. 104], авторы показывают, что постоянно воспроизводящиеся культурные сущности (будь то нормы культуры, знаки, институты или категории) становятся неотъемлемым свойством и основой внутренней жизни человека. Идеи и действия отдельного человека оказываются реализацией почерпнутых из наличной культуры элементов.

Литература

1. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Режим доступа: <http://evolution.powernet.ru/library/gen/content.htm>

2. *Матурана У.* Древо познания : биологические корни человеческого понимания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.

3. *Горбачев В. В.* Концепции современного естествознания : учеб. пособие для студ. вузов / В. В. Горбачев. – М. : ОНИКС 21 век ; Мир и Образование, 2003. – 592 с.

4. *Тамбовцев В. Л.* Понятие социально-экономического генотипа и современные исследования в сфере менеджмента / В. Л. Тамбовцев // Российский журнал менеджмента. – 2014. – Т. 12, № 2. – С. 117–132.

5. *Ильенков Э. В.* Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с.

6. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2005. – 664 с.

7. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. – М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.

8. *Элиас Н.* О процессе цивилизации : социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. / Н. Элиас. – М. ; СПб. : Унив. кн., 2001. – Т. 1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – 332 с.

9. *Петров М. К.* Язык. Знак. Культура / М. К. Петров. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

10. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 328 с.

11. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. – М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

12. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с.

13. Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры / В. С. Степин // Универсалии восточных культур. – М. : Восточная лит., 2001. – С. 14–42.

14. Обсуждение книги академика В. С. Степина «Цивилизация и культура» : материалы «круглого стола» / под ред. В. В. Пирожкова. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=877&Itemid=52

15. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – Т. 2. – 634 с.

16. Ларцев В. С. Социокультурный генезис личности : социально-философский анализ / В. С. Ларцев. – Киев : Принт-Экспресс, 2002. – 360 с.

Воронежский государственный университет

*Сальникова М. Н., аспирант кафедры истории философии
E-mail: nikstavr@mail.ru
Тел.: 8 (473) 220-84-17*

Voronezh State University

*Salnikova M. N., Post-graduate Student
of the History of Philosophy Department
E-mail: nikstavr@mail.ru
Tel.: 8 (473) 220-84-17*